

УДК 340.11

МУСЛИМ АБДУЛЖАБАРОВИЧ ЮНУСОВ,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация;
АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КУЧЕНЕВ,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: KuAV64@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО И АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Реферат: рассматриваются аспекты дефиниции Конституции Российской Федерации, аккумулируются теоретические взгляды научных деятелей на содержание этого понятия, его образующую составляющую и функциональную составляющую, обращается внимание на идеологическую наполненность Основного Закона, возможность регулирования всего процесса правотворчества и правоприменения путем установления правил и границ во властной деятельности и поведении человека в обществе.

В ходе рассмотрения идеологической функции Основного Закона усматривается возможное применение функций правового сознания в работоспособности документа, качественную основу закона предлагается представить в виде некоторой переменной, которая прямо пропорциональна трансформационной активности сфер существования общества, существующим общественным отношениям. Предпринимается попытка рассмотрения конституционного правосознания в целях выделения Конституции Российской Федерации в отдельную категорию, наиболее ярко демонстрирующую зависимость идеологической справедливости направления, закрепленного на законодательном уровне, от состояния правового сознания, которое, в свою очередь, определяет правовое поведение.

Обращается внимание на существование некоторой дистанции между нормами Основного Закона и правовой реальностью, одной из причин которой предлагается принять снижение доверия к власти ввиду применения коррупционного поведения в их взаимодействии.

Отмечается тенденция изменчивости коррупции, которая трансформируется в зависимости от состояния современного правосознания общества, производится осмысление ее в особой части применительно к созданию средств минимизации коррупции.

Поддерживается взятый вектор правовой установки на воспитание и укрепление антикоррупционного правосознания, проводится структурно-смысловой анализ его особенной части.

В итоге выделяется фактор справедливости, выступающий эталоном, той пограничной частью правосознания в любом его состоянии, который размывает границы его отдельных состояний.

Проблема восприятия идеологии государства, предусмотренная в конституционном регулировании, видится в наличии дистанции между законодательно предусмотренной и правовой реальностями, которая может быть убрана путем решения установленной изначально задачи по обеспечению равной возможности к реализации потребностей граждан.

Ключевые слова: конституционное и антикоррупционное правосознание, общественные отношения, Основной Закон.

MUSLIM ABDULGABAROVICH YUNUSOV,
Academy of the FPS of Russia, Ryazan, the Russian Federation;
ANDREY VLADIMEROVIC KUCHENEV,
Academy of the FPS of Russia, Ryazan, the Russian Federation,
e-mail: kuav64@mail.ru

CORRELATION OF THEORETIC FOUNDATIONS OF THE CONSTITUTIONAL LAW AND ANTI-CORRUPTION CULTURE IN THE REGULATION OF SOCIAL RELATIONS

Abstract: the authors have considered aspects of the definition of the Constitution, accumulated theoretical views of academics on the content of this concept, its defining component, and its functional component. Much attention is paid to ideological content of the basic law and the ability to control the entire process of law-making and law enforcement by establishing rules and boundaries in the power activity and human behavior in society.

While considering the ideological function of the basic law the authors touch the possible use of the functions of legal consciousness for the efficiency of the document. The high-quality basis of the law is suggested to present in the form of some variable that is directly proportional to the transformational activity of spheres of social existence and to the existing social relations. The attempt is made to consider the constitutional consciousness as a separate category, which most vividly demonstrates the dependence of the ideological justice, fixed at the legislative level, upon the level of legal consciousness, which in turn determines the legal behavior.

The authors draw attention to the existence of a certain distance between the norms of basic law and legal reality. One reason for its existence is decrease of confidence in the government because of the corrupt behavior in its activities.

There is a trend of corruption changeableness. It changes depending on the state of modern anti-corruption culture of people. And this should be taken into consideration when creating instruments to minimize corruption.

The vector of legal principle towards education and the strengthening of anti-corruption culture is stressed. In conclusion the authors highlight the factor of justice which is the border of justice in any of its state, which blurs the boundaries of its individual parts.

© Юнусов М. А., Кученев А. В., 2017
© Yunusov M. A., Kuchenev A. V., 2017

The problem of the perception of the ideology of the state, provided for in the constitutional regulation, is seen in the distance between two realities - legally-provided and actual, which can be covered by solving the initially identified problem of providing equal opportunities to meet the citizens' needs.

Keywords: constitutional and anti-corruption awareness, public relations, the Basic Law.

При организации деятельности государства, выборе концепции его существования следует помнить, что важнейшая цель проведения любой политики правового государства заключается в достижении благополучия всего общества. Вектор развития, основную идею политической воли государства и общества, регламентирующего принципы этой деятельности, заключили в Основной Закон – Конституцию Российской Федерации.

В Словаре русского языка С. И. Ожегова конституция трактуется как основной закон государства, определяющий основы общественного и государственного строя, систему государственных органов, права и обязанности граждан [10]. Функциональные направления конституции логично выстраиваются в ходе рассмотрения ее дефиниции в виде суммарного выражения их системного воздействия на общественную жизнь. Так, раскрытие степени отражения ее функциональности предложено А. В. Петровой в соотношении «основных направлений воздействия Конституции на общественные отношения, поведение и правосознание людей, мораль и культуру, в которых раскрываются ее сущность и социальное назначение, которые обеспечивают связанность и эффективность действия всех элементов механизма конституционно-правового регулирования» [11].

Конституция Российской Федерации в ст. 2 провозгласила: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». В п. 2. ст. 19 государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Тем самым Основной Закон, по мнению Б. С. Эбзеева, размещает обязанности государства по конституционному регулированию общественных отношений в следующую систему объектов воздействия «граждан – носителей прав и обязанностей ... народ, государство в целом, государственные органы и общественные организации, должностных лиц, которые, как и участники всяких правоотношений, также обладают взаимными правами и обязанностями» [16, с. 5–15].

Выступая всеобщим законом страны, Конституция регулирует правовую действительность, о чем рассуждает В. Е. Чиркин, называя ее «главным источником национального права, ядром всей правовой системы... конституция предусматривает сферы общественных отношений, подлежащие правовому регулированию» [14].

И. И. Карташова в модели действия высшего закона усматривает следующие аспекты.

1. Юридический аспект. Конституция рассматривается как основной закон, закрепляющий форму ее воздействия в виде правового регулятора. В этой системе находится правотворчество и правоприменение.

2. Социально-психологический аспект воздействия, в котором заключена роль отраженной в сознании общества ненормативной части документа, ее восприятие, идеологическая часть.

3. Политический элемент, который отражает политическую волю государства. Он представляет собой симбиоз первых двух, принимает изначально вид идеологии, влияющей на правосознание общества, дополненный возможностью проявления волевого участия государства в общественной жизни, но не простым перечислением мер воздействия, а определением границ и обстоятельств его применения.

Суммируя рассмотренные признаки и функции Конституции, следует остановиться на гарантиях ее исполнения, среди которых закрепить принцип правовой защиты, обозначенный в виде деятельности уполномоченных субъектов права, нормативно закрепленной и осуществляемой с помощью правовых средств и непосредственно гражданина, имеющей целью гарантии предоставления и охраны прав и свобод человека, соблюдая при этом принцип предоставления равного доступа к нему любого члена общества.

Однако некоторая декларативность норм Основного Закона, присутствующая, к сожалению, в правовой реальности, подрывает доверие народа к действиям власти, которое формирует, в свою очередь, приоритет неправомерного поведения, ставит вопрос о справедливости осуществляемой политики государства.

Законность, формально установленные права и обязанности на государственном уровне, объединенные в правовую сферу, являются областью современного правосознания. Правосознание представляет собой систему знаний, отношений и чувств, выражающую взаимосвязь субъекта и объекта права в общественной жизни. Она может быть

определена как соотношение властных структур, собственности, социума (гражданского общества) и прав человека. При рассмотрении работоспособности Основного Закона непременно надо говорить об уровне правового регулирования, которое зависит прежде всего от самого человека, а именно от понимания, осознания и восприятия права как должного и необходимого явления в его жизнедеятельности и желания реализовывать это право [8, с. 35–36].

Идеологическую поддержку рациональности наших рассуждений возможно почерпнуть у Г. В. Ф. Гегеля: «Существуют законы двоякого рода: законы природы и законы права. Законы природы абсолютны и имеют силу, так как они есть: они не допускают ограничения. Правовые же законы – это законы, идущие от людей. Внутренний голос может вступить с ними в коллизию либо согласиться с ними. Человек не отстраняется от налично-сущего, а утверждает, что внутри себя обладает масштабом правового: он может подчиниться необходимости и власти внешнего авторитета, но никогда не подчиняется им так, как необходимость природы, ибо его внутренняя сущность говорит ему, как должно быть, и он в самом себе находит подтверждение или неподтверждение того, что имеет силу закона» [4, с. 57].

Таким образом, если говорить о взаимосвязи правосознания в конституционном регулировании общественных отношений, то можно сформулировать следующие дополнительные его признаки:

- правосознание позволяет гражданину получить представление о наборе возможных средств достижения целей юридически значимого поведения (в том числе реализации своих потенциальных и защиты нарушенных прав и свобод);

- правосознание гражданина помогает ему правильно оценить социальную эффективность избранной стратегии защиты и реализации его прав и свободы, гарантированных конституцией, реализуемой государством просветительской и пропагандистской работы по обоснованию необходимости правомерного поведения;

- правосознание индивида (как на чувственном, так и осознанном уровне) предопределяет выбор конкретных средств использования механизмов конституционного регулирования в осуществлении и применении множества способов поведения в обществе.

Структурировав наши рассуждения, рассмотрим правосознание в конституционном механизме регулирования общественных отношений в виде следующих критериев:

- осознание сущности права в целом (рассматривая конституцию в роли матрицы правовых отношений и основного регулятора общественных отношений);

- оценка права, роли его норм по отношению к социальной полезности в той или иной ситуации;

- восприятие необходимости и важности правомерного поведения, соблюдения законности и правопорядка;

- выбор средства (совокупности средств, механизма) реализации, защиты или восстановления права из числа потенциально возможных;

- осмысление и соотношение ожидаемого результата реализации права с правовой действительностью и ходом общественной жизни в целом.

Бесспорно, правосознание является статическим элементом [13, с. 28]. Однако условия радикальной трансформации векторов развития нашего государства, заложенных в Конституции РФ, которая, являясь Основным Законом, установила необходимость исполнения предписанных в ней требований, определив основу развития страны, новые задачи, цели и даже идеологию развития, внесла изменения как в институты правового положения личности, так и в систему функционирования органов власти [7], требуют соответствующих изменений правосознания.

На торжественном собрании палат Федерального Собрания РФ, посвященном 20-летию Конституции РФ, Президент страны обозначил главенствующую роль Конституции РФ, заключив ее в формообразующую систему процессов правотворчества и правоприменения [12].

В процессе изменения уровня правосознания в связи с принятием нового пути развития стоит вспомнить слова Г. А. Наквасиной о необходимости осознания влияния разнородности правосознания законодателя на продукт его деятельности: «Законодатель разрабатывает и принимает законы, но он обезличен, а авторы законов неизвестны. И нельзя не считаться с тем, что авторы законопроектов обладают собственным правосознанием, которое и проявляется в результатах их деятельности» [9]. Следуя логике этого высказывания, в первую очередь нужно говорить об изменениях части правосознания, обособив его отраслевую часть в форме конституционного правосознания [3].

Согласимся с мнением Г. А. Наквасиной, что объем правовых знаний в обществе не может быть исчерпывающим, но, обладая конституционным правосознанием, вмещающим основные принципы права, гражданин сможет реализовывать правомерное поведение.

Однако возможность и мотивация реализации правомерного поведения при смене ориентира установленной справедливости государственной властью находятся на разном дистанционном уровне, если вспомнить понятие нигилизма, предусматривающее отторжение ценностей существующего права наряду с ценностью самого права. При таком дистанционном уровне о высоком уровне нового вида правосознания говорить сложно.

Конституционно-правовое регулирование общественных отношений, осуществляемое в целях предоставления равных возможностей в реализации прав и свобод граждан, берет начало в условиях деформации правосознания. Это время характеризуется ростом уровня преступности, в том числе коррупционной. Нельзя не согласиться с С. В. Алексеевым, рассматривающим общность проблемы зависимости уровня правосознания и правовой культуры всего населения с формированием условий для развития коррупции и экспансии коррупционных практик [1, с. 27].

О проблеме отрицательных последствий коррупции, их классификации уже продолжительное время ведется речь в доктринальных работах, высказываниях политиков. По нашему мнению, основные отрицательные последствия необходимо рассматривать в логической системе. Ухудшение экономического состояния, рост уровня дифференциации в обществе, снижение эффективности деятельности, падение уровня правосознания и профессионализма служащих ведет к разрушению государственного управления и органов местного самоуправления, способствует нарушению гражданских прав, тем самым подрывая доверие общества к власти, угрожая существованию и целостности государства.

Условием существующих негативных последствий становится изменение в сторону снижения уровня правосознания общества, перетекающее в поддержание правового нигилизма, и как следствие происходит ухудшение криминогенной обстановки страны. Эта система функционирует в любом порядке добавления компонентов и стремится к самосохранению.

Основные принципы государственной политики в области борьбы с коррупцией закреплены в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и национальных планах противодействия коррупции, и правовой основой этой борьбы является Конституция РФ.

Следует отметить обозначенное М. В. Шедий условие активизации антикоррупционного потенциала как процесса, который трансформирует возможность в действительность путем создания и применения новых форм и технологий, совершенствования системы адаптации отдельного человека, социальной группы или общности к новым для них социальным отношениям [15, с. 294–298].

Мы считаем, что предложение И. Н. Клюковской о рассмотрении одного из аспектов правового сознания как антикоррупционного позволит определить и обособить его специфические свойства, которые в силу образовавшейся разницы правовой идеологии и реалий общественной жизни по уста-

новлению возможности допуска коррупционного поведения в некотором порядке дискредитируют положения Конституции РФ [5].

Толерантное отношение к низовому коррупционному поведению (применению бытовой коррупции) со стороны различных категорий общества образует цикличное состояние этого процесса, при котором «создается социальный заказ населения на правовую деформацию сознания государственных служащих, искаженные правовые установки, правовой нигилизм государственных служащих усугубляют деформации правового сознания и правового поведения населения» [6].

Антикоррупционное правосознание характеризуется общими признаками правосознания, конкретизирующимися спецификой отношений возникающих в условиях допуска коррупционного поведения, и осуществлением мер по его минимизации.

Волевой признак рассматривается как решение человека об осуществлении определенного вида поведения на основании познаний в области права и их чувственном отражении. Особенная часть этого вида правосознания находится в поле деятельности по минимизации проявлений коррупционного поведения и включает в себя не только отрицание возможности участия в коррупционных схемах, но и активное противодействие всеми правовыми способами намерениям по осуществлению их другими лицами (объединениями).

Чувственный признак передается через восприятие, отражение и выражение правовых знаний и правовых оценок, поведения людей. Антикоррупционная направленность в чувственном аспекте может быть проявлена лишь при осознании негативного воздействия коррупции, воспитания и культивирования предрасположенности расценивать установленный правовой порядок, ценности, гарантированные Конституцией РФ и ее работоспособность как проявление справедливого закона, при котором возрастает легитимность власти, собственное внутреннее стремление к правде, заключающейся в справедливости Основного Закона и идеологии развития страны.

В связи с изложенным следует отметить определенную роль теоретических аспектов права, рассуждений научных деятелей. Конкретизация или использование метода дедукции в отделении частного от общего уровня правосознания в изучении и осмыслении вопросов формирования теоретико-правовой части антикоррупционной политики заключается в изучении и построении идеологии оказания определяющего влияния на борьбу государства с коррупцией.

Исследовав признаки и критерии конституционного и антикоррупционного правосознания, остановимся на их конвергенционности применения в регулятивных возможностях конституционных, админи-

стративных, уголовных, гражданско-правовых норм, в достаточной эффективности их применения, реализации прав граждан и коллективных образований.

Рассматривая Основной Закон как продукт, предусматривающий необходимость совершенствования всего законодательства в целях сохранения высокого уровня закона, мы приведем доводы о роли государства как более сильного партнера в регулировании общественных отношений. Воля государства реализуется через исполнение закона методом правового регулирования, становится необходимым критерием конституционно гарантированного предоставления равных возможностей для достижения желаемых благ, о чем рассуждает М. И. Абдулаев: «Потребность общества в необходимости правового регулирования существует объективно, поскольку различные социальные взаимоотношения требуют своего упорядочения и регулирования... юридические средства регуляции поведения людей имеют определяющее значение, так как право способствует развитию общества и его функционированию» [2].

Так, конституционное правосознание, в том числе отражающее государственный уровень, направленный на позитивное функционирование существующей правовой системы, имеет общую задачу с уров-

нем антикоррупционного правосознания по регулированию деятельности уполномоченных органов по осуществлению правотворчества и особой формы реализации права по его применению [9].

Необходимо напомнить об изменчивости уровня справедливости, который выступает самым действенным регулятором общественных отношений. С изменением положения уровня справедливости изменяются все векторы общественной жизни [13, с. 53]. Именно данный аспект становится центральным в процессе ассимилирования воздействий конституционного и антикоррупционного правосознания.

В обществе бытует мнение, что бороться с коррупцией бессмысленно, а реализация конституционной идеологии весьма затруднительна, и простой гражданин не имеет возможности противостоять ее проявлениям в реализации своих прав и свобод. Установлению такого приемлемого уровня справедливости, характеризующегося особенностью современной ситуации в аннигилировании постыдности коррупционного поведения, возможно противостоять методом увеличения доли конституционного правосознания, например, укрепляя основы просветительской работы, в том числе антикоррупционной направленности.

Список литературы

1. Алексеев С. В. Коррупция: социологический анализ. Шахты : ЮРГУЭС, 2008. 270 с.
2. Абдулаев М. И. Теория государства и права : учебник для высших учебных заведений. М. : Финансовый контроль, 2004. 430 с.
3. Баринов Э. Э. Конституционное правосознание в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2001. 23 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем., ред. и сост. Д. А. Керимов, В. С. Нерсисянц. М., 1990. 524 с.
5. Клюковская И. Н. Антикоррупционная политика: приоритетные направления формирования и реализации : монография. Ставрополь : СГУ, 2003. 96 с.
6. Кнышева Е. А. Развитие антикоррупционного правосознания как технология активизации антикоррупционного потенциала российского общества // Вестн. госуд. и муницип. управления. 2015. № 2.
7. Кравец И. А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории практики). М. ; Новосибирск : ЮКЭА, 2002. 473 с.
8. Лазарев В. В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань, 1982. 144 с.
9. Наквасина Г. А., Хрулева В. В. Конституционное правосознание и правовая культура в механизме правового регулирования // Вестник ВИ МВД России. 2014. № 3.
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1984.
11. Петрова А. В. Основные функции Конституции Российской Федерации (Вопросы теории) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 132 с.
12. Путин В. В. Конституция стала надежным фундаментом для развития страны // Московский комсомолец. 2014. 6 февр.
13. Синюков В. Н. Российская правовая система : введение в общую теорию. Саратов, 2010. 670 с.
14. Чиркин В. Е. Сравнительное конституционное право : учеб. пособие. М. : Междунар. отношения, 2002. 448 с.
15. Шедий М. В. Особенности развития антикоррупционного потенциала гражданского общества в России // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 2 (26). С. 294–298.
16. Эбзеев Б. С. Конституция Российской Федерации: прямое действие и условия реализации // Госво и право. 2008. № 7. С. 5–15.

References

1. Alekseev S. V. Korrupcija: sociologičeskij analiz [Corruption: A Sociological Analysis]. Mining : Izd SRSUES, 2008. 270 p.
2. Abdulaev M. I. Teorija gosudarstva i prava : uchebnik dlja vysshih uchebnyh zavedenij [Theory of State and Law: a textbook for high schools] Moscow : Financial Control, 2004. 430 p.
3. Barinov Je. Je. Konstitucionnoe pravosoznanie v Rossijskoj Federacii [The constitutional justice of the Russian Federation]: the author : dis. ... cand. jurid. sciences. Rostov-on-Don, 2001. 23 p.
4. Gegel' G. V. F. Filosofija prava / Per. s nem., red. i sostav. D. A. Kerimov, V. S. Nersesjanc [Philosophy of Law / Trans. with him., eds. and composition. D. A. Kerimov, V. S. Nersesyants]. Moscow, 1990. 524 p.
5. Kljukovskaja I. N. Antikorrupcionnaja politika: prioritetye napravlenija formirovanija i realizacii [Anti-corruption policy: priorities of formation and realization: monograph]. Stavropol : SGU, 2003. 96 p.
6. Knysheva E. A. Razvitie antikorrupcionnogo pravosoznanija kak tehnologija aktivizacii antikorrupcionnogo potenciala rossijskogo obshhestva [The development of anti-corruption legal conscience as technology activation of anti-corruption potential of the Russian society] // Herald of state and municipal government. 2015. № 2.
7. Kravec I. A. Formirovanie rossijskogo konstitucionalizma (problemy teorii praktiki) [Formation of Russian constitutionalism (the problem practice theory)]. Moscow ; Novosibirsk YUKEA, 2002. 473 p.
8. Lazarev V. V. Social'no-psihologičeskie aspekty primenenija prava [Socio-psychological aspects of the application of the law]. Kazan, 1982. 144 p.
9. Nakvasina G. A., Hruleva V. V. Konstitucionnoe pravosoznanie i pravovaja kul'tura v mehanizme pravovogo regulirovanija [Constitutional legal awareness and legal culture in the mechanism of legal regulation] // Bulletin VI Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 3.
10. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka [Dictionary of Russian language.] Moscow, 1984, p. 139.
11. Petrova A. V. Osnovnye funkicii Konstitucii Rossijskoj Federacii (Voprosy teorii) [The main functions of the Constitution (theory Questions)] : dis. cand. jurid. sciences. Moscow, 2004. 132 p.
12. Putin V. V. Konstitucija stala nadezhnym fundamentom dlja razvitija strany [The Constitution has become a reliable foundation for the development of the country] // Moskovsky Komsomolets, 2014. Feb 6.
13. Sinjukov V. N. Rossijskaja pravovaja sistema: Vvedenie v obshhuju teoriju. [Russian legal system: An Introduction to the general theory]. Saratov, 2010. 670 p.
14. Chirkin V. E. Sravnitel'noe konstitucionnoe pravo : uchebnoe posobie [Comparative Constitutional Law] : Textbook. M Intern. relations, 2002. 448 p.
15. Shedij M. V. Osobennosti razvitija antikorrupcionnogo potenciala grazhdanskogo obshhestva v Rossii [Features of development of the anticorruption capacity of civil society in Russia] // Scientific notes. Electronic journal of the Kursk state university. 2013. № 2 (26), pp. 294–298.
16. Jebzeev B. S. Konstitucija Rossijskoj Federacii: prjamoe dejstvie i uslovija realizacii [Russian Constitution: direct action and implementation conditions] // State and law. 2008, no. 7, pp. 5–15.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Юнусов Муслим Абдулжабарович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Академии ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация;

Кученев Андрей Владимирович – адъюнкт кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: KuAV64@mail.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Юнусов, М. А. Соотношение теорико-правовых основ конституционного и антикоррупционного правосознания в регулировании общественных отношений / М. А. Юнусов, А. В. Кученев // Человек: преступление и наказание. – 2017. – Т. 25(1–4), № 2. – С. 194–199.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yunusov Muslim A. – phd, associate professor of civil law and process Academy of the FPS of Russia, Ryazan, the Russian Federation;

Kuchenev Andrey V. – adjunct of the cathedra of theory of state and law, international and european law Academy of the FPS of Russia, Ryazan, the Russian Federation, e-mail: kuav64@mail.ru.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Yunusov M. A., Kuchenev A. V. Sootnoshenie teoriko-pravovyh osnov konstitucionnogo i antikorrupcionnogo pravosoznanija v regulirovanija obshhestvennyh otnoshenij [Correlation of theoretic foundations of the constitutional law and anti-corruption culture in the regulation of social relations]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2017, vol. 25, no. 2, pp. 194–199.